

## ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ ОБВИНЯЕМОГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

© 2010 г. И.С. Дикарев<sup>1</sup>

Термин “законные интересы”<sup>2</sup> упоминается в Конституции РФ (ч. 3 ст. 55), а также в уголовно-процессуальном законодательстве, широко используется в теории уголовного судопроизводства. Между тем вопрос об основаниях классификации интересов на законные и незаконные, несмотря на то, что дискуссии по этой проблеме ведутся в науке уголовного процесса уже не один десяток лет, по-прежнему далек от разрешения. Как следствие, не выработано и единого, общепризнанного определения понятия “законный интерес”, что затрудняет толкование и применение на практике правовых норм, в которых это понятие используется.

В уголовно-процессуальной теории сформировались два основных подхода к решению проблемы определения законности интереса обвиняемого.

*Первый подход* был широко распространен в советской юридической науке. В его основе лежит мнение о том, что законными являются такие интересы личности, которые полностью соответствуют интересам правосудия. Так, М.С. Строгович отмечал, что “законный интерес обвиняемого... ни в малейшей мере не противоречит интересам правосудия, а наоборот, его соблюдение и охрана в полной мере им соответствуют”<sup>3</sup>. По его мнению, законный интерес обвиняемого состоит в том, чтобы при расследовании и судебном разбирательстве его дела были полно, всесторонне и непредвзято собраны, проверены все доказательства, исследованы все обстоятельства, которые свидетельствуют в пользу обвиняемого, оправдывают его или смягчают его ответственность, и чтобы обвиняемому была

обеспечена возможность оспаривать обвинение, представлять доводы и доказательства в свое оправдание или для смягчения своей ответственности<sup>4</sup>.

Н.С. Алексеев и В.З. Лукашевич полагали, что под законными интересами обвиняемого следует понимать, во-первых, недопустимость привлечения к уголовной ответственности и осуждения за преступление, которое обвиняемый не совершал, а также возможность добиваться полной реабилитации в случае необоснованного привлечения к уголовной ответственности; во-вторых, стремление не быть привлеченным к уголовной ответственности и осужденным за более тяжкое преступление, чем то, которое обвиняемый в действительности совершил; в-третьих, назначение справедливого наказания с учетом всех обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность обвиняемого; в-четвертых, стремление защищать свои личные и имущественные права, не подвергаться мерам процессуального принуждения без достаточных оснований<sup>5</sup>.

Сторонники *второго подхода* к решению данной проблемы полагают, что вопрос о законности отстаиваемого участником судопроизводства интереса должен решаться на основе анализа средств, используемых субъектом ради удовлетворения этого интереса. По сути, в основе указанного подхода лежит презумпция: если законодатель наделил участника уголовного процесса субъективным правом, значит интерес, отстаиваемый посредством реализации этого права, *a priori* является законным. Так, например, В.С. Шадрин пишет: “То, что субъективное право личности всегда означает законность интереса личности, осуществляемого в пределах данного права, ни у кого не вызывает сомнений. Это подразумевается само собой... Интерес, выраженный в субъективном праве, всегда законен”<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Волгоградского государственного университета, кандидат юридических наук.

<sup>2</sup> По мнению Л.Н. Масленниковой, интерес представляет собой осознанное побуждение действовать или бездействовать, порождаемое определенной потребностью достичь какого-либо блага и направленное на достижение этого блага, т.е. на выгодное удовлетворение потребности (см.: Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России. Дисс. ... доктора юрид. наук. М., 2000. С. 194).

<sup>3</sup> Строгович М.С. О правах личности в советском уголовном судопроизводстве // Сов. гос. и право. 1976. № 10. С. 74.

<sup>4</sup> См.: Строгович М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности / Под ред. В.М. Савицкого. М., 1984. С. 53.

<sup>5</sup> См.: Алексеев Н.С., Лукашевич В.З. Ленинские идеи в советском уголовном судопроизводстве. Л., 1970. С. 149.

<sup>6</sup> Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М., 2000. С. 29.

Сходную позицию занимает и Ф.Н. Багаутдинов, полагающий, что ответ на вопрос о законности интереса обвиняемого находится в зависимости от того, являются ли законными средства его удовлетворения. «Общий принцип здесь, – пишет он, – заключается в том, чтобы способы и приемы защиты от обвинения были законными, т.е. предусмотрены законом».<sup>7</sup>

Если же они не предусмотрены законом, но одновременно в законе нет и запрета на их использование, то применяется другой общеправовой принцип: “Разрешено все, что не запрещено законом”<sup>8</sup>.

Заметим, что рассматриваемый подход не является новым. Более 30 лет назад Э.Ф. Куцова писала: “Законными интересами обвиняемого являются только те его существенные интересы, которые выражены в нормах права, признаны ими”<sup>8</sup>. Приведенное суждение подверг критике Л.Д. Кокорев, указавший, что оно «лишает понятие “законный интерес” особого, специфического смысла, приводит к его полному отождествлению с правами личности, предусмотренными в законе. Анализируя сущность законных интересов нельзя не заметить, что правовой защитой пользуются и некоторые интересы личности, не получившие прямого закрепления в конкретном нормативном акте. Не каждый законный интерес непосредственно закрепляется государством в нормах права, некоторые вытекают из общих принципов права»<sup>9</sup>.

Подход к решению вопроса о законности интереса через анализ средств его достижения представляется мало продуктивным. Придерживаясь данной позиции, придется, например, признать, что интерес лица, виновного в совершении преступления, направленный на то, чтобы уйти от уголовной ответственности, переложив ее на плечи другого, ни в чем не повинного гражданина, должен автоматически признаваться законным лишь потому, что для его удовлетворения субъект использует не запрещенные законом средства. Такой подход по меньшей мере формальный и вряд ли может обеспечить корректное определение законности интереса.

Представляется, что средства удовлетворения интереса, в качестве которых выступают предоставленные соответствующему участнику уго-

ловного судопроизводства процессуальные права, в принципе не могут определять законность или незаконность интереса, поскольку *акт их реализации всегда вторичен и имеет место уже после осознания субъектом интереса*. “Интерес, – правильно указывает Е.А. Лукашева, – предшествует правам и обязанностям независимо от того, находит ли он прямое закрепление в законодательстве или просто подлежит правовой защите со стороны государства”<sup>10</sup>.

Следует иметь в виду, что интерес – не абстрактное понятие, а совершенно определенная предметная категория, содержанием которой является объект, представляющий ценность в материальном, политическом или ином отношении<sup>11</sup>. Содержание интереса составляет цель, к достижению которой стремится субъект, и без ее учета интерес предстанет как явление бессодержательное, а потому бессмысленное. Игнорировать эту цель, занимаясь решением проблемы определения законности интереса, совершенно недопустимо. Думается, что соответствие или несоответствие этой цели тем задачам, решение которых стремится обеспечить законодатель, регулируя то или иное направление практической деятельности, имеет решающее значение для определения законности интереса.

Что же касается средств удовлетворения интереса, то их реализация (применение на практике) есть объективное действие, анализируя которое можно высказывать лишь предположения об уже сформировавшемся и направляющем поведение субъекта интересе, но включать такие средства в содержание субъективного явления (интереса) методологически неверно. При этом предположительные суждения о законности интереса, основанные на анализе средств его удовлетворения, далеко не всегда верны.

С одной стороны, обвиняемый, в действительности совершивший преступление, свободно использует не запрещенные законом средства защиты для того, чтобы избежать уголовной ответственности (т.е. законные средства используются для удовлетворения незаконного интереса). С другой – не исключено применение обвиняемым незаконных средств защиты для того, чтобы достичь целей, вполне соответствующих назначению уголовного судопроизводства. Например, об-

<sup>7</sup> См.: Багаутдинов Ф.Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений. М., 2004. С. 27.

<sup>8</sup> Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 56.

<sup>9</sup> Кокорев Л.Д. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1977. № 4. С. 78.

<sup>10</sup> Права человека / Под ред. Е.А. Лукашевой. М., 2002. С. 93.

<sup>11</sup> См.: Коврига З.Ф. О процессуальной ответственности как гарантии успешной реализации уголовной ответственности // Уголовная ответственность: проблемы содержания, установления, реализации. Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 1989. С. 105.

виняемый может применить угрозы или насилие к дающим ложные показания свидетелям с целью добиться от них правдивых показаний, которые позволят доказать необоснованность выдвинутого обвинения. Такое поведение, безусловно, противоправно и должно пресекаться, но сама возможность возникновения на практике подобных ситуаций указывает на отсутствие закономерностей, которые можно было бы положить в основу категорического утверждения о том, что законные средства всегда используются для защиты законного интереса, а незаконные средства – всегда для достижения результата, несовместимого с назначением уголовного судопроизводства.

Противоречивость рассматриваемого подхода порождает непоследовательность в суждениях отдельных его сторонников, не имеющих возможности полностью отказаться от мысли, что интерес все же оказывает влияние на выбор средств, которые используются субъектом для его удовлетворения. Так, Ф.Н. Багаутдинов, обращая внимание на то, что в тексте ст. 49 УПК РФ отсутствует слово “законных” (интересов), пишет следующее: “Получается, что защитник призван осуществлять защиту прав и любых интересов подозреваемого, обвиняемого, в том числе и незаконных интересов... Если допустить в законе возможность защиты любых интересов обвиняемого, подозреваемого, в том числе и незаконных, то это может привести к использованию с этой целью незаконных способов и средств защиты”<sup>12</sup>. Думается, для таких опасений не было бы оснований, если бы автор последовательно придерживался позиции, согласно которой законность интереса находится в зависимости от законности средств его удовлетворения, а не наоборот.

Кроме того, незаконность применяемых для удовлетворения законного интереса средств вовсе не означает, что субъект не вправе рассчитывать на достижение того результата, к которому он стремится. В этой связи мы не можем согласиться с Э.Ф. Куцовой в том, что для *понятия законного интереса* личности в уголовном судопроизводстве существенно не только то, *на что* личность притязает, но и то, *какими средствами, способами* это притязание осуществляется<sup>13</sup>. Получается, что использование для отстаивания интереса противоправных средств приводит к превращению этого интереса в незаконный, т.е. не охраняемый государством. Но ведь нельзя же, в самом деле,

допустить мысль, что за допущенное при осуществлении защиты нарушение закона невиновный лишается права быть оправданным. Такой образ действий обвиняемого не освобождает органы публичного уголовного преследования и суд от обязанности всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства дела и установить истину. Вопрос об ответственности за допущенные обвиняемым в ходе уголовного судопроизводства нарушения закона должен решаться отдельно от вопроса о его виновности в совершении инкриминируемого преступления. *Законным является тот интерес, на удовлетворение которого субъект имеет право рассчитывать.* Обвиняемый, не причастный к совершению преступления, заинтересован в своем оправдании и вправе рассчитывать на то, чтобы этот интерес защищался государством и был в итоге удовлетворен.

Предназначение государства раскрывается через возложенные на него Конституцией РФ обязанности. Согласно ст. 2 Конституции РФ обязанностью государства является признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина. Подчинение деятельности государства в лице его органов и должностных лиц интересам личности обусловлено тем, что человек, его права и свободы провозглашены Конституцией РФ высшей ценностью (ст. 2). Уголовный процесс, будучи сегментом государственной деятельности, также должен обеспечивать реализацию названной конституционной обязанности государства, что и предопределило законодательное закрепление в качестве задач уголовного судопроизводства: 1) защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

Результатом производства по уголовному делу, достижение которого необходимо для реализации назначения уголовного судопроизводства (в тех случаях, когда преступление действительно имело место), является достоверное выяснение всех значимых для уголовного дела обстоятельств, установление лица, виновного в совершении преступления, и его изобличение, возмещение вреда, причиненного преступлением потерпевшему. Только в этом случае будет обеспечена защита прав и законных интересов граждан и организаций, потерпевших от преступления, а невиновный будет огражден от незаконного и необоснованного уголовного преследования, ограничения его прав и свобод (ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Таким образом, формулируя назначение уголовного судопро-

<sup>12</sup> Багаутдинов Ф.Н. Указ. соч. С. 29.

<sup>13</sup> См.: Куцова Э.Ф. Рец. на кн.: Воробейников М.А. Запрет преобразования к худшему в советском уголовном процессе. Ярославль, 1976 // Правоведение. 1977. № 2. С. 143.

изводства, законодатель ставит его реализацию в зависимость от достижения результата, обеспечивающего удовлетворение лишь тех интересов личности, которые закон берет под свою защиту, т.е. законных интересов.

Если обвиняемый, действительно совершил инкриминируемое ему деяние, но стремится избежать уголовной ответственности, то цель, составляющая содержание его процессуального интереса, не может быть признана законной, поскольку ее достижение будет означать одновременно невозможность реализации назначения уголовного судопроизводства, нарушение прав и законных интересов других лиц. Следовательно, в этом случае обвиняемый не вправе притязать на то, чтобы закон защищал его интерес уклониться от уголовной ответственности. *Право на защиту предоставляется обвиняемому не для того, чтобы у виновного была возможность избежать уголовной ответственности, но исключительно для того, чтобы невиновный мог, воспользовавшись этим правом, оправдаться*<sup>14</sup>.

Это означает, что между законными интересами и назначением уголовного судопроизводства существует неразрывная связь: достижению назначения уголовного процесса никогда не будет сопутствовать удовлетворение незаконных интересов, равно как и удовлетворение незаконного интереса всегда будет означать, что задачи уголовного процесса остались нерешенными. Поэтому *единственно правильным, на наш взгляд, основанием классификации интересов на законные и незаконные следует признать соответствие цели, составляющей содержание интереса, назначению уголовного судопроизводства*.

Любое теоретическое положение, разрабатываемое наукой уголовно-процессуального права, имеет ценность лишь тогда, когда его использование способно принести пользу правотворчеству или правоприменению.

Классификация отстаиваемых в ходе уголовного судопроизводства интересов на законные и незаконные имеет исключительно важное значение для *правотворческой деятельности*. Прав В.С. Шадрин, отмечая, «что, прежде чем

воплотить возможность осуществления интереса в субъективном праве, законодатель оценивает его с точки зрения соответствия закону, учитывая закрепленные в законе принципы права, существующее или желаемое соотношение интересов личности и государства. Если интерес субъекта выдерживает испытание на “законность”, он может обрести форму субъективного права и поэтому восприниматься как уже охраняемый законом или законный интерес»<sup>15</sup>.

Процессуальные права предоставляются гражданам и организациям, участвующим в производстве по уголовному делу, с тем, чтобы создать им условия для отстаивания своих личных интересов. Но при этом законодатель всегда исходит из того, что реализация указанных прав должна одновременно обеспечивать достижение назначения уголовного процесса. Учитывая отмеченную выше взаимозависимость между удовлетворением законных интересов участников уголовного процесса и назначением уголовного судопроизводства, можно сделать вывод, что *законодатель наделяет субъективными правами участников уголовного судопроизводства для того, чтобы обеспечить им возможность отстаивать не любые, а именно законные интересы*. Впрочем, из этого, конечно, вовсе не следует, что гражданин или юридическое лицо не сможет использовать данное право для удовлетворения незаконных интересов.

Непрерывное развитие общественных отношений требует постоянного совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Принудить участников уголовного процесса использовать права исключительно для защиты законных интересов невозможно, поэтому законодательно следует стремиться к такой организации процессуальной деятельности, при которой реализация этих прав в целях удовлетворения незаконных интересов не приносила бы желаемого результата. Достичь этого можно далеко не всегда, и обвиняемый, используя предоставленные ему законом процессуальные права, к сожалению, может добиваться удовлетворения и незаконных интересов.

Следует сказать, что редкая диссертация обходится без предложений наделить того или иного участника дополнительными процессуальными правами. Но разве совершенствование уголовно-процессуального права предполагает только “обрастание” субъектов все новыми и новыми правами? Как бы непопулярно это ни звучало, не-

<sup>14</sup> В подтверждение этого вывода уместно привести слова Г.Б. Слиозберга, писавшего: “Само собой разумеется, что говоря о защите на предварительном следствии и озабочиваясь улучшением его вообще, законодатель имеет в виду интересы не действительно совершавших преступления лиц, а лиц, не совершавших его” (Слиозберг Г.Б. О защите на предварительном следствии (Доклад конгрессу Международного Союза Криминалистов в С.-Петербурге в сентябре 1902 г.) // Вестник права. 1902. № 6. С. 117).

<sup>15</sup> Шадрин В.С. Указ. соч. С. 29.

обходимо ставить в порядок дня и решать вопросы о лишении участников уголовного процесса тех прав, которые, не будучи необходимыми для защиты законных интересов, используются *преимущественно* для удовлетворения интересов, противоречащих закону. И первым в ряду таких правомочий следует, на наш взгляд, назвать фактически признаваемое за обвиняемым право на оговор невиновного.

По вопросу о допустимости такого средства защиты как оговор в юридической литературе высказаны диаметрально противоположные точки зрения. Так, например, Ф.Н. Багаутдинов полагает, что поскольку закон не содержит прямого запрета обвиняемому защищаться, оговаривая других лиц в совершении преступления, то и в этом случае направляющий действия обвиняемого интерес должен признаваться законным<sup>16</sup>. С.Д. Шестакова, напротив, считает оговор другого лица незаконным проявлением потребности обвиняемого избежать ответственности (независимо от того, совершил ли он в действительности преступление или нет)<sup>17</sup>. В.Д. Адаменко к числу незаконных интересов относит стремление обвиняемого “воспользоваться правосудием для клеветы, осуждения заведомо невиновного из мести за правомерные действия”<sup>18</sup>.

У практических работников проблема ответственности обвиняемого за заведомо ложный донос вызывает обеспокоенность прежде всего в связи с многочисленными случаями необоснованных заявлений подсудимых в ходе судебного разбирательства о применении к ним должностными лицами правоохранительных органов незаконных методов ведения следствия. Доходит до того, пишет М. Селезнев, что они (на всякий случай) заявляют об их избиениях даже следователями-женщинами, причем при обстоятельствах совершенно абсурдных. По мнению автора, такие действия подсудимых не должны оставаться без юридической оценки: “Нельзя допустить безграничную возможность защиты своих интересов посредством умышленного создания условий для привлечения к уголовной ответственности заведомо невиновных лиц”<sup>19</sup>.

Рассматривая данную проблему, С. Нафиев и А. Васин пишут: “Очевидно, что Конституция РФ

допускает не любые способы защиты, а только те, которые не запрещены законом. Это означает, что право на защиту не является абсолютным и его осуществление не должно нарушать права и свободы других граждан. Однако, стремясь обелить себя перед следствием и судом посредством необоснованного перекладывания вины на другого человека, обвиняемый (подозреваемый) посягает на ряд прав и свобод, гарантированных Конституцией и законами РФ”. В связи с этим авторы приходят к выводу о том, что “в случаях использования незаконных методов защиты, сопряженных с заведомо ложным обвинением другого лица в совершении преступления, обвиняемый (подозреваемый) подлежит привлечению за это к уголовной ответственности”, т.е. рассматривают такой способ защиты как незаконный<sup>20</sup>. В подтверждение своих слов С. Нафиев и А. Васин ссылаются на позицию Европейского Суда по правам человека, сформулированную в решении от 28 августа 1991 г. по делу Брандстетер против Австрии. По мнению Европейского Суда, возможность для обвиняемого впоследствии подвергнуться преследованию за утверждения, высказанные им в свою защиту, не должна рассматриваться как нарушение его прав в соответствии с п. 3с ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. “Было бы преувеличением полагать, – сказано в решении Суда, – что исходной посылкой права лиц, обвиняемых в совершении уголовного преступления, защищать себя является идея о том, что они не должны подвергаться преследованию, когда, осуществляя это право, они умышленно вызывают ложные подозрения в подлежащем наказанию поведении в отношении свидетеля или любого другого лица, вовлеченного в уголовное судебное производство...”<sup>21</sup>.

Иной позиции на этот счет придерживается Р. Куссмауль, который, признавая, что заведомо ложно обвинять “не только *преступно* (выделено нами. – И.Д.), но и безнравственно”, далее пишет: “Но, с другой стороны, страх быть привлеченным к уголовной ответственности за заведомо ложный донос или клевету может привести к осуждению невиновного и, соответственно, к сокрытию должностного преступления (незаконных методов следствия), что способно нанести не меньший урон правосудию, чем заведомо ложный донос и клевета. При разрешении этой коллизии

<sup>16</sup> См.: Багаутдинов Ф.Н. Указ. соч. С. 28.

<sup>17</sup> См.: Шестакова С.Д. Состязательность уголовного процесса. СПб., 2001. С. 19.

<sup>18</sup> Адаменко В.Д. Охрана свобод, прав и интересов обвиняемого. Кемерово, 2004. С. 171.

<sup>19</sup> Селезнев М. Раскрытие преступлений и право на защиту // Законность. 1993. № 9. С. 30.

<sup>20</sup> Нафиев С., Васин А. Право на защиту – не беспредельно // Законность. 1999. № 4. С. 6–7.

<sup>21</sup> Цит. по: Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М., 1998. С. 252.

необходимо, очевидно, все же исходить из принципа, что лучше оправдать десять виновных, чем осудить одного невиновного. *Лучше оклеветать невиновного, чем осудить невиновного* (выделено нами. – И.Д.)<sup>22</sup>. Такая позиция представляется по меньшей мере спорной. Как видно, автор не желает считаться с тем, что заведомо ложный донос также может иметь своим последствием осуждение невиновного. Показания обвиняемого, содержащие заведомо ложный донос, являются доказательством, которое при неблагоприятном стечении обстоятельств может сыграть решающую роль при вынесении в отношении лица, непричастного к совершению преступления, обвинительного приговора.

Заметим, что рассмотренный выше подход к решению проблемы классификации интересов на законные и незаконные, признающий законным любой интерес, если для его удовлетворения участник уголовного процесса использует запрещенные законом процессуальные средства, является серьезным препятствием на пути совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Придерживаясь этого подхода, невозможно в принципе выдвинуть утверждение о том, что то или иное правомочие может использоваться участником для отстаивания незаконных интересов, а значит исключается всякая критика уголовно-процессуального законодательства с этих позиций. Тем самым проблема, оставаясь неразрешенной, просто игнорируется.

К примеру, если оценивать законность интереса в зависимости от законности средств его удовлетворения, то с учетом сложившейся судебной практики придется признать, что оговор используется обвиняемыми для отстаивания законных интересов. Согласно ч. 2 ст. 16 УПК РФ суд, прокурор, следователь и дознаватель обеспечивают подозреваемому и обвиняемому возможность защищаться всеми не запрещенными УПК РФ способами и средствами. И хотя действия обвиняемого, оговаривающего заведомо невиновного в совершении преступления, подпадают под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 306 УК РФ, судебная практика не идет по пути привлечения обвиняемых к уголовной ответственности за заведомо ложный донос. Напротив, как указал Верховный Суд РФ по уголовному делу в отношении Н., заведомо ложные показания подозреваемого о совершении преступления другим лицом заведомо ложный донос не образуют, поскольку были даны с целью уклониться

от уголовной ответственности и являлись способом защиты от обвинения<sup>23</sup>. Проблема, на первый взгляд, выглядит решенной: законные средства – законный интерес. Но мы придем к совершенно противоположному результату, если будем оценивать законность интересов в зависимости от соответствия целей, составляющих содержание этих интересов, назначению уголовного судопроизводства. Оговаривая другое лицо, обвиняемый не только стремится уйти от уголовной ответственности, но еще и преследует цель, принципиально противоречащую назначению уголовного судопроизводства, – добиться признания виновным лица, не причастного к совершенному преступлению.

Конечно, лишать участника уголовного судопроизводства процессуального права на том лишь основании, что оно может быть использовано для защиты незаконного интереса, ни в коем случае нельзя. Многие из предоставленных обвиняемому прав могут использоваться для достижения результатов, не соответствующих назначению уголовного судопроизводства. В каждом отдельном случае законодатель должен оценивать последствия, к которым может привести лишение участника уголовного процесса данного права, и сопоставлять их с последствиями сохранения данного права в уголовно-процессуальном законе. Идеального варианта решения проблемы добиться в реальной жизни практически невозможно, поэтому законодателю каждый раз придется выбирать “из двух зол меньшее”. Недопустимо, прежде всего, лишение обвиняемого таких субъективных прав, которые необходимы *невиновному* для ограждения его от необоснованного уголовного преследования и незаконного привлечения к уголовной ответственности (т.е. прав, без которых невозможно добиться удовлетворения законного интереса). И даже если реализация этих правомочий может в некоторых случаях способствовать уклонению от уголовной ответственности лица, действительно виновного в преступлении, их все равно следует сохранить. Риск, связанный с тем, что преступник останется безнаказанным, – это та цена, которую демократическое правовое государство вынуждено платить за обеспечение безопасности невиновных. А вот право оговаривать лиц, непричастных к совершению преступления, вовсе не является для обвиняемого (не важно, виновен он в действительности или нет) необходимым средством защиты. Если же учесть масштаб

<sup>22</sup> Куссмауль Р. Право на ложь и право на молчание как элементы права на защиту // Росс. юстиция. 2003. № 2. С. 35.

<sup>23</sup> См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 1997 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 4. С. 15.

вредных последствий этого правомочия, а также то, что оно *всегда* используется для удовлетворения незаконного интереса, направленного на привлечение к уголовной ответственности невиновного, становится очевидно, что такое средство защиты должно быть запрещено законом.

Ревизия законодательства, сопровождающаяся исключением из него норм, препятствующих реализации назначения уголовного судопроизводства, должна осуществляться непрерывно. Определенность в вопросе о классификации процессуальных интересов на законные и незаконные выступает в качестве необходимого условия совершенствования уголовно-процессуального статуса участников уголовного судопроизводства.

*При всей важности классификации интересов на законные и незаконные для правотворческой деятельности, она не имеет равным счетом никакого значения для правоприменительной практики.* Более того, всякие попытки квалифицировать в ходе производства по уголовному делу интерес обвиняемого как законный или незаконный представляются вредными и опасными, ведь неверные оценки на этот счет могут стать причиной нарушения прав личности в судопроизводстве.

Между тем в уголовно-процессуальной теории уже давно наметилась тенденция придавать рассматриваемой проблеме чисто практическое значение. Многие авторы разделяют мнение о том, что суду, прокурору, следователю и защитнику непременно в ходе производства по уголовному делу следует выяснять какой – законный или незаконный – интерес отстаивает обвиняемый. Считается, что образ действий и принимаемые соответствующими участниками судопроизводства процессуальные решения должны зависеть от их убеждения относительно законности отстаиваемого обвиняемым интереса.

Так, И.А. Либус писал, что для следователя, прокурора и суда решение вопроса о законности интереса обвиняемого является обязанностью, а для защитника – правом<sup>24</sup>. По мнению З.В. Макаровой, определение характера интересов обвиняемого – не только право, но и обязанность адвоката. “Право на защиту, – отмечает она, – установлено для охраны не всех и всяких, а только законных интересов обвиняемого. Защищая права и законные интересы обвиняемого, адвокат содействует соблюдению и укреплению... законности, пра-

вильному осуществлению правосудия”<sup>25</sup>. Л.Д. Кокорев также считал, что адвокат не только может, но и обязан, руководствуясь законом, совокупностью доказательств по делу и своим внутренним убеждением, иметь свои суждения по вопросу о законности интереса обвиняемого. “Если защитник, – писал Л.Д. Кокорев, – в итоге предварительного и судебного следствия не определил, виновен обвиняемый или нет, то как же он будет осуществлять защиту? ... Излагая свое мнение относительно предъявленного обвинения и оценивая доказательства, защитник обязан руководствоваться законом, т.е. защищать лишь законные интересы обвиняемого”<sup>26</sup>.

Мнение о том, что деятельность защитника должна находиться в определенной зависимости от того, какой – законный или незаконный – интерес отстаивает в уголовном процессе обвиняемый, высказывается и в наши дни. Например, В.Л. Кудрявцев полагает, что нравственно-этические требования к деятельности адвоката-защитника заключаются в том, что он не вправе защищать незаконный интерес подсудимого. В связи с этим автор предлагает защитнику следующим образом решать вопрос о законности отстаиваемого обвиняемым интереса: “...доказанная виновность является достоверно установленной виновностью, которая должна быть не только соответствующей реальной действительности, но и быть обоснованной собранными по делу доказательствами... Именно из этого концептуального положения адвокат должен строить защиту, задавая себе вопрос: является ли виновность его подзащитного обоснованной или достоверно установленной компетентными органами государства и их должностными лицами как в целом, так и по эпизодам? И на основании полученного ответа использовать соответствующие средства и способы защиты, позволяющие ему надежно и эффективно отстаивать права и законные интересы подзащитного”<sup>27</sup>. Получается, что в случае расхождения мнения защитника, считающего, к примеру, обвиняемого виновным, с позицией подзащитного, не признающего вины, защитник должен рассматривать интерес обвиняемого как незаконный. Но как это может отразиться на деятельности защитника?

<sup>25</sup> Макарова З.В. Рец. на кн.: Либус И. Охрана прав личности в уголовном процессе. Ташкент, 1975 // Правоведение. 1977. № 3. С. 125.

<sup>26</sup> Кокорев Л.Д. Указ. соч. С. 82–83.

<sup>27</sup> Кудрявцев В.Л. Процессуальные и криминалистические основы деятельности адвоката защитника в российском уголовном судопроизводстве / Под ред. В.Н. Григорьева. М., 2006. С. 46.

<sup>24</sup> См.: Либус И. Охрана прав личности в уголовном процессе. Ташкент, 1975. С. 8.

М.С. Строгович писал: "...адвокат не может быть связан какой-либо определенной точкой зрения, которая обязывала бы его устранить из поля зрения те или иные благоприятные для обвиняемого обстоятельства, не исследовать их только по той причине, что они не служат подтверждением мнения по вопросу о виновности обвиняемого, которое складывается у защитника в процессе участия в расследовании и судебном разбирательстве дела. Все, что в какой-либо мере благоприятствует обвиняемому, служит его оправданию или смягчению ответственности, любое слабое место обвинения, сомнительность обвинительного доказательства, недостаточная аргументированность того или иного утверждения обвинителя, пробел в расследовании дела, могущий повлечь неблагоприятные последствия для обвиняемого, — все это должно быть предметом внимания защитника"<sup>28</sup>. Единственный случай, когда защитник вправе действовать вопреки воле (следовательно, и интересам подзащитного), — когда он убежден в самооговоре доверителя<sup>29</sup>.

Признание лица виновным в совершении преступления не случайно связывается в Конституции РФ со вступлением в законную силу приговора, вынесенного судом. Законодатель обоснованно считает, что познавательные способности сторон существенно ограничены в сравнении с судом, и только последний в условиях состязательности в состоянии правильно разрешить вопрос о виновности обвиняемого. Без знания ответа на этот вопрос невозможно определить, соответствует или не соответствует отстаиваемый обвиняемым интерес назначению уголовного судопроизводства. Конечно, у любого участника уголовного процесса может сформироваться собственное убеждение относительно того, совершил обвиняемый инкриминируемое ему деяние или нет. И на основании этого убеждения вполне возможно сделать *предположительный* вывод о том, является ли интерес обвиняемого законным. Но влияние

такого вывода на объем предоставляемых обвиняемому средств защиты, а также на возможность воспользоваться отдельными процессуальными правами означало бы существенное нарушение принципа презумпции невиновности. Невиновность обвиняемого считается доказанной и обращаться с этим участником уголовного процесса следует как с невиновным. При этом, объективный процессуальный статус обвиняемого не может зависеть от субъективных мнений отдельных лиц, будь то следователь, защитник или какой-то иной участник уголовного судопроизводства.

Ни защитник, ни государственные органы и должностные лица, ведущие производство по уголовному делу, не вправе воздержаться от совершения предписываемых законом действий или принятия решений лишь потому, что считают отстаиваемый обвиняемым интерес незаконным. В равной мере не может ставиться в зависимость от квалификации интереса обвиняемого реализация прав, предоставленных уголовно-процессуальным законом этому участнику уголовного судопроизводства. Запрещая адвокату отказываться от принятой на себя защиты (ч. 7 ст. 49 УПК РФ), закон исходит прежде всего из того, что подобное решение может быть принято адвокатом по причине нежелания защищать незаконный, на его взгляд, интерес обвиняемого. Позицию законодателя, установившего такой запрет, замечательно объясняет афоризм Эрскина: "Адвокат, который отказывается от защиты по своим личным воззрениям на обвиняемого, становится в эту минуту судьей, осуждающим еще до приговора, и бросает на весы правосудия тяжесть своего осуждения, быть может ошибочного, но очень веского именно потому, что оно исходит от адвоката"<sup>30</sup>.

Изложенное приводит к выводу, что подлинному обеспечению прав и законных интересов обвиняемого в уголовном процессе способствовал бы полный отказ от любых попыток найти какое-либо практическое применение в ходе производства по уголовному делу классификации интересов на законные и незаконные.

<sup>28</sup> Строгович М.С. Указ. соч. С. 53.

<sup>29</sup> См.: п. 3 ч. 4 ст. 6 Федерального закона "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" от 31 мая 2002 г. // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

<sup>30</sup> Цит. по: Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. Изд. 3-е, пересмотр. Пг., 1916. С. 306.